

От автора

После стольких лет работы над этим проектом, претерпевшим многочисленные трансформации и изменения, кажется почти невозможным вспомнить всех, кто помогал мне, и воздать им должное в полной мере. Эта книга стала кульминацией долгого пути, на котором мне очень повезло получить поддержку целого ряда людей, учреждений и фондов. Я начну с благодарности моим родителям, которым эта книга посвящена. Рут и Лоренс Кобрин всегда поддерживали и одобряли мое стремление к знаниям. Их безграничная любовь, а также бесчисленные часы присмотра за детьми, когда я отправлялась в исследовательские поездки, сделали возможным завершение этого проекта.

Первые семена этого исследования упали в почву, когда я услышала доклад профессора Нэнси Грин из Йельского колледжа о сравнительной еврейской миграции, в ходе которого она поделилась своим растущим разочарованием по поводу невозможности найти в Париже хорошие бейглы, не говоря уже о булочках бялах. Однако родившийся тогда замысел книги никогда бы не был реализован, если бы не мои замечательные учителя. С того момента, как я вошла в классы Дэвида Рудермана и Полы Хайман в качестве студентки Йельского университета, меня вдохновляла их страсть к преподаванию и верность научной строгости. Среди сотрудников Пенсильванского университета я благодарю Майкла Каца, Дебору Дэш Мур, Еву Моравску и Исраэля Бартала за то, что они познакомили меня с новыми подходами к изучению процесса миграции и восточноевропейской еврейской истории. Я особенно признательна Бенджамину Натансу, Деборе Дэш Мур, Дэвиду Рудерману и Бет Венгер, чьи вдумчивые комментарии

и высокие академические стандарты помогли мне довести проект до завершения. Острые вопросы, мудрые советы и постоянная поддержка Бенджамина Натанса подтолкнули меня к переосмыслению того, как можно успешно рассказать о транснациональной истории евреев Восточной Европы.

При этом ранние черновики не воплотились бы в эту книгу и без постоянной поддержки и мудрых советов Полы Хайман и Деборы Дэш Мур. Я благодарна им за то, что они включили меня в свои циклы исследований и бережно побуждали к продолжению работы. Они обе продемонстрировали мне, как можно лавировать между противоречивыми требованиями ученых штудий, семейными заботами и приверженностью еврейской общинной жизни. Стипендии в аспирантурах Йельского и Нью-Йоркского университетов не только дали мне возможность тесно сотрудничать с Полой Хайман и Дэвидом Ангелем, но и подарили время для расширения границ исследования, углубления знаний в польском и дали шанс учиться у ряда выдающихся преподавателей, в первую очередь у Лоры Энгельштейн, Мэтью Фрая Джейкобсона и Тимоти Снайдера. Мои коллеги с факультета религиоведения Йельского университета и факультета иврита и иудаики Нью-Йоркского университета — Айван Маркус, Шеннон Крейго-Снелл, Хася Дайнер, Геннадий Эстрайх, Стив Фрааде, Кристин Хейес, Тони Михелс, Джонатан Рэй и Людгер Вифьюс — приняли меня в свой круг и вовлекали в стимулирующие дискуссии, которые помогли усовершенствовать мое исследование.

Получение документов для поддержки транснационального исследования было непростой задачей, но ее значительно облегчили неустанные и щедрые усилия многих архивариусов и библиотекарей по всему миру. Я бесконечно благодарна Геннадию Пастернаку из Тель-Авивского университета, который нашел мне место для просмотра богатой коллекции Центра Горена-Гольдштейна по изучению еврейской диаспоры в Тель-Авивском университете. У меня не было возможности встретиться с покойным Ченом Мерхавиа из отдела редких книг и рукописей Национальной библиотеки, но если бы не его усилия, я не смогла бы

завершить этот проект. Профессор Мерхавиа без усталости трудилась над сбором материалов, связанных с Белостоком, где он сам родился. Он планировал написать работу, которая бы познакомила публику с жизненной силой и многообразием евреев из Белостока, показав тем самым значение этого города в общем современном еврейском опыте. В течение всей жизни Мерхавиа выпрашивал у друзей, коллег и знакомых документы, не упуская в поисках информации о Белостоке ни малейшей возможности. Как я узнала от его близкого друга Менахема Левина, Мерхавиа был невероятно требователен к себе как ученый, он считал задуманную книгу о Белостоке вершиной всей своей научной жизни. Мне лишь остается надеяться, что дальнейшие главы в какой-то мере воздадут должное его мечте. В Буэнос-Айресе Сильвия Хансман любезно помогла мне сориентироваться в богатых коллекциях Фонда Института иудаики (IWO). В Америке в Институте иудаики (YIVO) на мои вопросы терпеливо отвечали Захарий Бейкер, Герберт Лазарус, Йешайю Меттл и покойная Дина Абрамович // Дина Абрамович z "l. В Варшаве Наталья Алексюн, Йаэль Рейснер и Элиза Либерман помогли мне сориентироваться в богатых архивных собраниях Польши и невероятно быстро дали мне почувствовать себя любимым членом их семей. В самом Белостоке Катаржина Штоп-Румковска не только снабдила меня сведениями о различных собраниях Белостокского архива, но и предоставила мне место для проживания. В Москве меня тепло и гостеприимно встретила Дебора Ялен, и именно благодаря ее настойчивости эта книга содержит документы и информацию, полученные из российских архивов.

Помимо исторических документов, книга во многом построена на рассказах сотен бывших жителей Белостока, у которых мне удалось взять интервью в течение последнего десятилетия. Я никогда не смогу в полной мере отблагодарить их, поскольку мы встречались во время моих коротких исследовательских поездок по Соединенным Штатам, Аргентине, Израилю и Австралии, где они делились со мной фрагментами своих жизней. Исследуя новые области, я воспользовалась советами многих людей. Эрик Гольдштейн, Нэнси Грин, Эли Ледерхендлер, Михал Лем-

бергер, Адам МакКьюан, Мэй Нгэи, Энни Полланд, Джонатан Сарна и Дэниел Сойер, — все они щедро тратили время на прочтение отдельных частей этой книги. Их ценные рекомендации обогатили мой проект. Я особенно признательна Бетси Блэкмар, покойному Джонатану Франкелю // Джонатану Франкелю z ¹, Ольге Литвак, Рону Мейеру, Дереку Пенслару и Джеффри Шендлеру, чья проницательность, искренность и внимание в процессе чтения итогового варианта рукописи помогли мне внести финальные исправления. Джэнет Рабинович и Кэти Бэйбер из Издательства Университета Индианы были скрупулезными и терпеливыми, помогая мне завершить работу. Все ошибки, разумеется, принадлежат только мне.

Проведение исследования и написание этой книги были щедро поддержаны рядом учреждений и фондов, которым я искренне обязана: Фонд Векснера по поддержке аспирантов, Департамент образования США (программа Фулбрайта), Мемориальный фонд еврейской культуры, программа Исследовательского центра Пью по изучению религии, Национальный фонд еврейской культуры, Центр иудейской истории, Исследовательский институт иудаики (YIVO), Институт латиноамериканских исследований Колумбийского университета, Институт Гарримана, Фонд семьи Канман, Фонд Корет, Американский совет научных обществ и Американское философское общество. Ни эти учреждения, ни люди, чьи комментарии помогли мне усовершенствовать работу, не несут ответственности за взгляды, выраженные в этой книге.

Наконец, я от всего сердца благодарю своих братьев и сестер, Джеффри Кобрину, Мишель Гринберг-Кобрин, Дебору Леви и Дэна Леви, которые всегда заставляют меня смеяться, особенно над собой, и которые воздерживались от вопроса, когда я закончу работу над «той книгой о Белостоке». Я в глубоком долгу перед своим мужем Кевином Фейнблумом, чья миграция, любовь и сила повлияли на этот проект в большей степени, чем он сам когда-либо мог представить. Более десяти лет он терпел бесконечные копии малоизвестных документов из польских архивов, разбросанные по нашей квартире, поездки за границу, распечатку документов и сканирование изображений давно умерших

польских евреев. Его неослабевающая поддержка, выражавшаяся бесчисленными способами, помогла мне пережить взлеты и провалы этого проекта. И последнее, но особенно важное: я должна поблагодарить своих дочерей Ариэлу и Симону. Нет ничего лучше, чем вернуться домой после долгого дня исследований или работы над текстом и спросить, когда они смогут нарисовать и раскрасить маркерами обложку моей книги. Я благодарю своих девочек за их объятия, смех и улыбки, которые остаются постоянным источником радости и поддерживают меня изо дня в день.

Несколько слов об орфографии и транслитерации оригинального издания КНИГИ

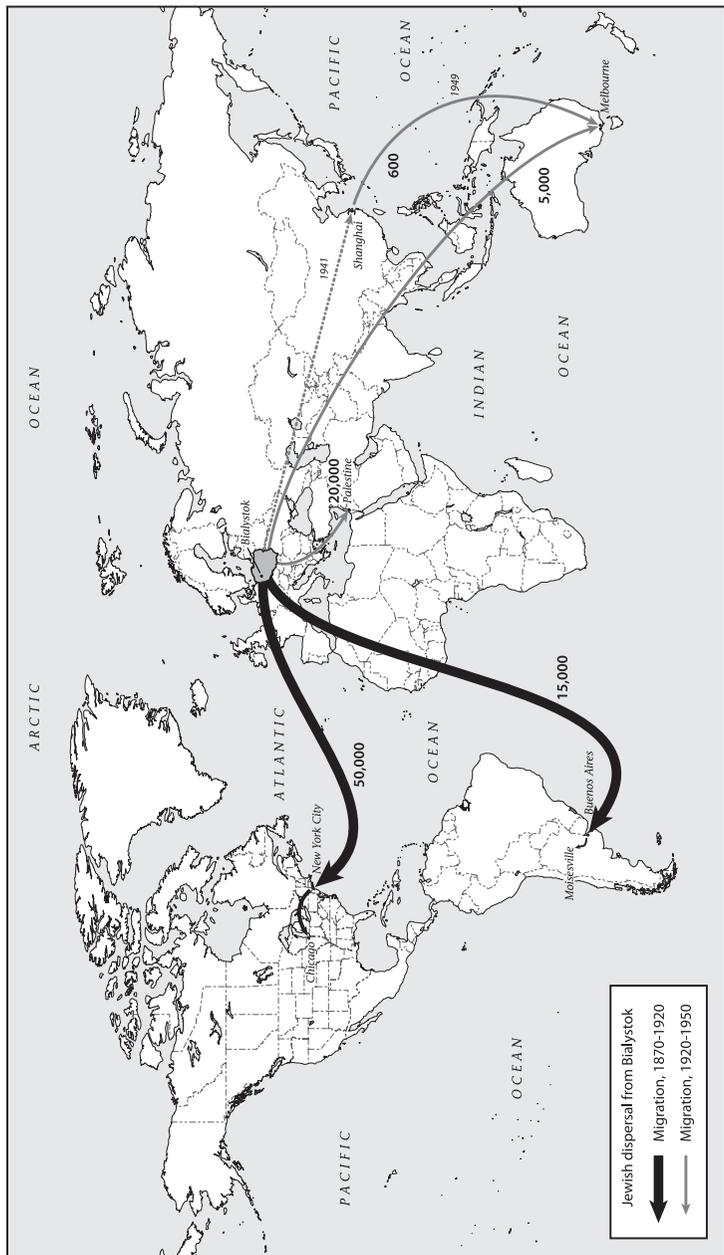
Многие из упомянутых в этой книге на разных языках используют разное написание своих имен. Во имя последовательности я использовала вариант, под которым, по моему мнению, тот или иной человек наиболее известен. В целом слова, фразы, названия организаций, топонимы и имена людей на идиш передавались в английском тексте в соответствии со схемой транслитерации Института иудаики. В остальном я не пыталась стандартизировать орфографию иноязычных слов. Многие периодические издания на идиш, использованные в этом исследовании, в частности *Bialystoker Stimme*, имеют названия на идиш, которые были транслитерированы редакторами на момент публикации, и они не соответствуют стандартам Института иудаики. Слова на иврите, которые являются неотъемлемой частью названий или фраз на идиш, пишутся так, как они произносятся на идиш (например, *голес* для библейского термина *галут* [изгнание, рассеяние]). Все переводы мои, если не указан автор перевода.

Европейские топонимы в английском тексте следуют книге Мокотова «Там, где мы когда-то гуляли: Путеводитель по еврейским общинам, уничтоженным во время Холокоста» (Mokotoff, *Where Once We Walked: A Guide to Jewish Communities Destroyed in the Holocaust*). В тех случаях, когда топоним на идиш значительно

отличается от аналогов, принятых в других языках (Bialystok/Бялыстак [идиш], Białystok/Бялисток [польский], Белосток [русский]), в английском тексте я использую название на идиш, но без диакритических знаков восточноевропейских языков¹. В написании названий организаций на английском языке я ориентировалась на *Di yidishe landsmanshaften fun Nyu York (The Jewish Communal Register)* или *From Alexandrovsk to Zyrardow: A Guide to YIVO's Landsmanshaftn Archive*.

---

¹ В русском переводе последовательно используется название Белосток, но важно помнить о другом звучании топонима в идише и польском. — *Примеч. пер.*

Илл. 1. Карта расселения евреев из Белостока, 1870–1950 годы

Введение

Между рассеянием и империей

*Представления о распространении евреев
в эпоху массовой миграции*

В 1921 году Хаиму Горовицу (1885–1962), журналисту, писавшему на идиш и только что сошедшему с корабля в Нью-Йорке, предложили написать очерк для новой газеты *Bialystoker Stimme* («Голос Белостока»). Потрясенный знакомством со страной, которой предстояло стать его домом, Горовиц был рад возможности заявить о себе в идишском литературном мире Нью-Йорка через *Ландсманишафт* (ассоциацию еврейских иммигрантов, приехавших из одного и того же города), одну организацию из целой сети, насчитывающей около миллиона человек¹. В поисках правильной метафоры для описания своего настроения, Горовиц начал с горестной ноты: «Мы, еврейские иммигранты из Белостока, страдаем от острой тоски по дому... когда мы странствуем [*навена*’д] по всей Америке... обнаруживая невозможность нигде

¹ Дэниел Сойер заявляет, что речь шла о «миллионе евреев», прямо или косвенно объединенных в 3000 земляческих ассоциаций в Нью-Йорке того времени. См.: Daniel Soyer. *Jewish Immigrant Associations and American Identity in New York, 1880–1939*. 1–2. Айзек Ронч, глава Союза пишущих на идиш, считал, что эти организации евреев-иммигрантов и их публикации служили «становым хребтом» иммигрантской жизни евреев. См.: Isaac Ronch. *The Present State of the Landsmanschaften*. 360–378. Роль этих изданий в общественной жизни евреев, говоривших на идиш, рассматривается в работах: Yosef Chaikin. *Yidishe bleter in Amerike*; Arthur Goren. *The Jewish Press // The Ethnic Press in the United States: A Historical Analysis and Handbook*. 203–228.

почувствовать себя дома, как то было в Белостоке»². Библейское понятие *навена*^д означает странствия Каина после изгнания из Эдемского сада, и Горовиц, используя эту идею, интерпретирует иммиграцию как божественное наказание, выстраивая мощный панегирик потерянному раю в Восточной Европе. В отличие от картин иммиграции, преобладающих в американской и еврейской истории и отражающих американскую националистическую мифологию (Америка была в них «землей обетованной» для евреев, исполненной «золотыми возможностями» и «исключительной» по теплоте приема), Горовиц видел Леди Свободу, стоящую у входа в гавань Нью-Йорка не с факелом на пути к новой утопии, а с мечом, открывающим новый тип еврейского рассеяния.³ Его метафора встретила отклик у читателей новой газеты: в редакцию *Bialystoker Stimme* писали десятки людей из больших и малых городов, разбросанных по Соединенным Штатам, Южной Америке и Европе, отзываясь на глубоко двойственное отношение Горовица к отъезду из Белостока⁴: один из респондентов даже

---

² Khaym Horowitz. *Mir bialistoker (gedanken un gefilen) // Bialystoker Stimme*. 1 (Nov. 1921). 2.

³ Триумфальный образ вступления евреев в Америку, в котором соединились новое видение еврейской идентичности и шанс принять участие в создании новой Америки, доминирует в американской истории евреев. Этот образ транслируется в многочисленных произведениях. Наиболее важные из них: Moses Rischin. *The Promised City: New York Jews, 1870–1914*; Abraham Karp, ed. *Golden Door to America: The Jewish Immigrant Experience*; Deborah Dash Moore. *At Home in America*; Hasia Diner. *A Time for Gathering: The Second Migration, 1821–1880*; Jenna Weisman Joselit. *The Wonders of America: Reinventing Jewish Culture, 1880–1950*. Общая «некритичная триумфальность» характерная для американской истории евреев, в частности при описании процесса адаптации евреев в новой для них стране, отчетливо видна в работе: Tony Michels. *A Fire in Their Hearts: Yiddish Socialists in New York*. Cambridge, Mass., 2005. 16–25.

⁴ Подобное неоднозначное высказывание об отъезде из Европы не было изобретением Горовица, оно часто встречается в широком круге американских сочинений, написанных на идиш. См.: Mikhail Krutikov. *Yiddish Fiction and the Crisis of Modernity*. 150–155; Leah Garrett. *Shipping the Self to America: The Perils of Assimilation in Glatshetyn's and Shapiro's Immigration Novels*. 203–230; Matthew Frye Jacobson. *The Quintessence of the Jew: Polemics of Nationalism and Peoplehood in Turn-of-the-century Yiddish Fiction*. 103–122.

Илл. 2. Дэвид Зон, редактор *Bialystoker Stimme*, за рабочим столом в Белостокском центре, около 1955 года. Печатается с разрешения Уильяма и Стивена Каве и Роны К. Мойер

использовал термин *голес*, идишский перевод библейского понятия *галут* (изгнание, рассеяние), чтобы поддержать идею, что эмиграция из Белостока напоминала предначертанное Богом экзистенциальное и физическое рассеяние еврейского народа, вынужденного покинуть библейские земли Израиля двумя тысячелетиями ранее.

Дэвид Зон (1890–1967), исполнительный директор Белостокского центра и редактор *Bialystoker Stimme*, разделял страсть Горовица к Белостоку, но не его печальный взгляд на иммиграцию. Скорее, он восхищался жизнеспособностью «различных белостокских колоний, разбросанных по всему миру», все члены которых чувствовали себя обязанными отозваться на ламентации Горовица⁵.

⁵ David Sohn. Redaktionsnele notitsen // *Bialystoker Stimme*. 2 (1922). 15.

С характерной для него изобретательностью Зон приходит к тому, что вводит понятие «колония» (*койлония*) для описания сообществ все более обширного мира выходцев из еврейского Белостока. Жадно читая и снабжая своими посланиями каждый выпуск *Bialystoker Stimme*, эти евреи посвятили себя тому, чтобы сделать «голос Белостока» хорошо слышным⁶. Отдавая предпочтение имперской образности, а не метафоре изгнания, Зон вторит Горовицу в его понимании Восточной Европы как вдохновляющей родины. Однако представление о восточноевропейских иммигрантах как о беспомощных изгнанниках он отвергает, вместо этого высказывая мнение, что «обширная сеть колоний» еврейского Белостока демонстрирует силу и энергию расселения мигрантов. Зону, только что вернувшемуся из Восточной Европы, где он раздал миллионы долларов из числа денежных переводов, собранных в Нью-Йорке, нравилось то, что евреи Белостока, живущие за границей, выступали в роли могущественных колониальных эмиссаров, использующих богатства своего нового дома ради поддержки, восстановления и расширения дома прежнего. Присутствие этих евреев в Белостоке изменило отношение поляков к «колониям» еврейских мигрантов, Американской «империи» и месту в ней евреев⁷.

Конечно, и Горовиц, и Зон чувствовали иронию в использовании метафор изгнания и империи, к которым они прибегали для привлечения широкой читательской аудитории. В достижении этой своей цели они преуспели: около сорока тысяч евреев продолжали читать и писать в их издание на протяжении следующих семидесяти лет. И пускай сегодня многие могут посмеяться над образами, рисующими такие тесные узы, связывающие миллио-

---

⁶ Ibid.

⁷ Подробнее о критической роли империализма в формировании методов взаимодействия Америки с народами и группами со всего мира, а также с представителями собственной культуры см.: Amy Kaplan. *The Anarchy of Empire in the Making of U.S. Culture*. 1–4. Работа Каплан и ряд других замечательных исследований побудили ученых рассматривать Америку и американскую культуру в имперском контексте, однако к роли иммигрантов в том, какое место заняла Америка в мире, авторы этих текстов обращались редко.

ны восточноевропейских евреев, разбросанных к 1920 году по Европе, Соединенным Штатам, Австралии, Африке и Азии, или просто проигнорировать подобные пассажи, Бенедикт Андерсон справедливо отмечает, что «сообщества следует различать» и анализировать «не по их ложности/подлинности, а по тому стилю, в котором они воображаются»⁸. Так почему же эти два автора-иммигранта, которые не были признанными интеллектуалами, бережно пестующими свои идеи и обдумывающими насущные вопросы эпохи, прибегают для описания новой общины, частью которой они стали в результате тихой революции восточноевропейской еврейской миграции, к столь нагруженным идеологически и политически терминам?⁹

Как будет показано в дальнейшем, выбор понятий этими двумя авторами, проживающими в Нью-Йорке, и их читателями, рассеянными по всему миру, ставит более широкий круг вопросов, касающихся концепций и нарративов о восточноевропейской еврейской миграции в современной еврейской истории, американской истории и в сфере исследований миграции. Многие исследователи обсуждают эмиграцию евреев из Восточной Европы, но лишь немногие рассматривают это массовое перемещение населения в более глобальном контексте. Триумфальный опыт еврейских иммигрантов в Соединенных Штатах продолжает привлекать львиную долю внимания ученых, затмевая, что поселение восточноевропейских евреев в Соединенных Штатах представляло собой часть продолжающегося процесса миграции, изменившей еврейскую жизнь сначала в России XIX века, а затем в начале XX века и в Европе, Африке, Австралии, Азии и Южной

---

⁸ Benedict Anderson. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. 6. Русский перевод см.: Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Бенедикт Андерсон; пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. С. 31.

⁹ Подробнее о концептуализации восточноевропейской еврейской иммиграции как тихой революции см.: Rebecca Kobrin. *The 1905 Revolution Abroad: Mass Migration, Russian Jewish Liberalism and American Jewry, 1903–1914 // The 1905 Revolution: A Turning Point in Jewish History?* P. 227–246; Gur Alroey. *ha-Mahpekhah ha-sheketah: ha-Hagira ha-Yehudit meha-Imperyah ha-Rusit 1875–1924*.

Америке. Соединенные Штаты, *Goldene Medina* («золотая земля»), не были самодостаточным анклавом еврейских иммигрантов, как это часто изображают, а были лишь одним из спутников, или «колонией», в густой сети восточноевропейских поселений еврейских мигрантов во всем мире¹⁰.

Подчеркивая необходимость более широкой перспективы для оценки хаоса, вызванного миграцией, диаметрально противоположные образы Горовица и Зона также поднимали очень глубокий вопрос: следует ли рассматривать массовый выезд евреев из Восточной Европы — исход, который представляет собой крупнейшее добровольное перемещение населения в современной еврейской истории, — как иллюстрацию силы евреев или как иллюстрацию их бессилия?¹¹ Следует ли считать, что миллионы восточноевропейских евреев, эмигрировавших в другие страны, были изгнанниками, вытесненными из их домов, о чем говорит Горовиц и как их традиционно изображали ученые и популярные авторы?¹² Или они были просто экономическими оппортуниста-

---

¹⁰ Мозес Рищин в новаторской работе *The Promised City: New York's Jews, 1870–1914* и авторы, вдохновленные его исследованием еврейской иммиграции в Нью-Йорке, редко признают, что Нью-Йорк был лишь одним из пунктов назначения в путешествии восточноевропейских еврейских мигрантов.

¹¹ Массовая эмиграция восточноевропейских евреев составила величайший добровольный демографический сдвиг в современной еврейской истории. См.: Jacob Lestchinsky. *Jewish Migrations, 1840–1956* // Louis Finkelstein, ed. *The Jews: Their History, Culture and Religion, 1536–1596; Migrations* // *Encyclopedia Judaica*. Vol. 16: 1518–1522; Shaul Stampfer. *Patterns of Internal Jewish Migration in the Russian Empire* // Yaakov Roi, ed. *Jews and Jewish Life in Russia and the Soviet Union*. 28–47.

¹² Joseph Telushkin. *The Golden Land: The Story of Jewish Immigration to America: An Interactive History with Removable Documents and Artifacts* — красноречивый пример того, как популярные авторы рассказывают о миграции восточноевропейских евреев в Америку. Оскар Хандлин, ученый-новатор в области истории американских евреев и истории иммиграции в Америку в целом также много писал на эту тему. Он часто использовал пример восточноевропейских евреев как доказательство того, что не просто Америка приняла иммигрантов, но сами они оказали огромное положительное влияние (т. е. способствовали либерализации и открытию возможностей для всех). См.: Oscar Handlin.

ми, которые искали лучшей жизни для себя и направляли богатства Нового Света на восстановление своих восточноевропейских домов? В самом деле, поскольку восточноевропейские евреи действовали так же, как и многие другие группы иммигрантов, необходимо задуматься о том, как объяснить их расселение в эпоху всемирной массовой миграции и расширения империй¹³. На следующих страницах книги я расскажу о судьбе еврейского Белостока, его рассредоточенном эмигрантском сообществе и дам подробный исторический анализ в глобальном контексте. В своем анализе я делаю акцент на том, каким образом восточноевропейские еврейские иммигранты оставались связанными друг с другом своим ощущением нового государства как места изгнания, а также их новообретенными возможностями. С одной стороны, они отстаивали свои интересы как этнические меньшинства, занимая ниши в зарубежных странах; с другой, они пользовались относительной экономической властью, которая служила им для создания новых организаций, благотворительных обществ и газет, навсегда изменивших еврейскую жизнь в Восточной Европе, а также практику еврейской диаспоральной идентичности в новых, только возникающих центрах еврейской жизни.

В том, как Горовиц оплакивал свое изгнание, слышатся отголоски недовольства, выражаемого многими группами иммигрантов, прибывших в Соединенные Штаты. В предыдущем столетии аналогичным образом оплакивали свою коллективную и индивидуальную судьбу ирландские иммигранты¹⁴. Итальянские

The American Jewish Pattern, after 300 Years; We Need More Immigrants; America Recognizes Diverse Loyalties; A Twenty-Year Retrospect of American Jewish Historiography; Democracy Needs the Open Door; New Paths in American Jewish History; и American Views of the Jew at the Opening of the Twentieth Century.

¹³ О широких миграционных сдвигах конца XIX и начала XX века см.: Adam McKeown. World Migrations.

¹⁴ Эти пессимистические настроения в научной литературе обсуждаются редко, особенно в американском контексте, так как в американской истории господствует парадигма доброжелательного приема иммигрантов, а специа-

и польские иммигранты, современники Горовица, также писали ностальгические панегирики о своей утраченной родине. Но их тоска по дому высказывалась не так, как та, что запечатлена на страницах *Bialystoker Stimme*. Во втором случае она опиралась на хорошо развитый в библейской традиции нарратив отчуждения евреев. На протяжении веков как традиционные, так и популярные писатели выстраивали еврейскую идентичность¹⁵, прежде всего, на неразрывной связи еврейского народа с библейской землей Израиля и их рассеянием и изгнанием с нее двумя тысячелетиями ранее¹⁶. Эти традиционные сочинения помогли евреям стать образцовой диаспорой для современных исследователей диаспор. Но, как показывает красноречивая ламентация Горовица, лишь немногие правильно понимают, как диаспора и рассеяние на самом деле повлияли на чувство принадлежности и самооценку евреев XX века¹⁷. Многие евреи вовсе не были объедине-

---

листов, знающих языки иммигрантов, явно не хватает. На самом деле, многие группы иммигрантов порой полагали, что обещания намного превосходили американскую реальность. О польских и ирландских иммигрантах и их похожем двойственном отношении к своему положению в начале XX века см.: Matthew Jacobson. *Special Sorrows*; Kerby Miller. *Emigrants and Exile: Ireland and the Irish Exodus to North America*.

¹⁵ Журнал *Diaspora* сыграл ключевую роль в развитии исследований диаспоры. А специалисты по иудаике, напротив, внесли в дебаты на эту тему поразительно малый вклад, за исключением: Daniel and Jonathan Boyarin, *The Powers of Diaspora*; Jonathan Stratton. *Displacing the Jews: Historicizing the Idea of Diaspora*; Arnold Band. *The New Diasporism and the Old Diaspora*; Michael Galchinsky. *Scattered Seeds: A Dialogue of Diasporas* // David Biale, Michael Galchinsky and Susannah Heschel, eds. *Insider/Outsider: American Jews and Multiculturalism*; Caryn Aviv and David Shneer, *New Jews: The End of the Jewish Diaspora*.

¹⁶ Магистерская работа Yehezkel Kaufmann. *Golah ve-Nekhar: Mehkar histori-sot' syologi bi-she'elat goralo shel 'am Yiśra'el mi-yeme kedem ve-'ad ha-zeman ha-zeh* предоставляет общий обзор исследований по данной теме.

¹⁷ Более десяти лет назад Арнольд Бэнд изучал вопрос, как концепция диаспоры использовалась и переформулировалась в рамках академического исследования диаспор. См.: Arnold Band. *The New Diasporism and the Old Diaspora*. Другие полезные дискуссии можно найти в: Jonathan Stratton. *Displacing the Jews: Historicizing the Idea of Diaspora*; Michael Galchinsky. *Scattered Seeds: A Dialogue of Diasporas* // David Biale, Michael Galchinsky, and Susannah Heschel, eds. *Insider/Outsider: American Jews and Multiculturalism*.

ны идеей травматичного рассеяния и изгнания с древней земли Израиля, для них архетипической еврейской родиной была Восточная Европа. Миграция заставила их переосмыслить фундаментальные представления о своей еврейской идентичности, а именно: задуматься о понятиях диаспоры, изгнания и родины, и создать мультидиаспорную еврейскую идентичность, связанную как с их нынешней, так и с мифической родиной¹⁸.

В то время как Горовиц опирался на богатый библейский опыт, доступный немногим другим группам, Зон для описания тех восточноевропейских евреев, которые расселились не только в Соединенных Штатах, но и в Западной Европе, Аргентине и Австралии, использовал колониальный язык. Это стало возможным только в начале XX века, когда термин «империя» — полезный, но, к сожалению, довольно неопределенный, — получил широкое распространение для описания различных связей и политических образований¹⁹. Хотя сегодня понятия «империя»

¹⁸ В последние десятилетия возник новый интерес к исследованию еврейских связей с многочисленными родинами, в первую очередь ученых интересует Древний Мир и исход евреев из Испании. См.: Erich Gruen. *Diaspora*; Yosef Yerushalmi. *Exile and Expulsion in Jewish History* // Bernard Gampel, ed. *Crisis and Creativity in the Sephardic World*, 16; Yitzhak Baer. *A History of the Jews in Christian Spain* и его же *Galut* (посвященную непосредственно риторике диаспоры, которую использовали испанские евреи-эмигранты, чтобы выразить их тоску по прежней жизни в Испании); Miriam Bodian. *Hebrews of the Portuguese Nation: Conversos and Community in Early Modern Amsterdam*; Yosef Kaplan. *The Travels of Portuguese Jews from Amsterdam to the 'Lands of Idolatry' (1644–1724)* // Yosef Kaplan, ed. *Jews and Conversos: Studies in Society and the Inquisition*. О более современной еврейской миграции написано сравнительно мало. Одно из исключений: Alvin Rosenfeld. *Promised Land[s]: Zion, America and American Jewish Writers*.

¹⁹ В самом деле, то, как Зон использует понятие «империя» — для описания силы, которой обладали иммигранты за счет связей со своей бывшей родиной, — редко, если вообще когда-либо встречается в обширной литературе о распространении (и крушении) империй в работах концептуального плана. Об этом термине и понятии написано слишком большое количество критических исследований, однако мало работ проливают свет не только на изменение значения этого термина с течением времени, но и дают представление о том, что именно привлекало евреев-эмигрантов в Соединенных Штатах, где они находили новые экономические возможности, а также о том, какие связи сохранились у них с Восточной Европой и как они видели свое

и «империализм» зачастую используются для описания политических образований, которые доминируют за счет военной силы, расширения сферы торговли или прямого политического давления, в начале XX века, как отмечает историк Эндрю Томпсон, они «были подобны пустым ящикам, которые постоянно чем-то заполняются и лишаются содержания»²⁰. Зон с характерным для него сарказмом отмечал комизм приравнивания еврейских мигрантов, рассеянных по всему миру к обширным и мощным колониальным структурам, тем не менее он специально выбрал этот термин, способный передать не только аспект власти, которой обладали мигранты, но и глобальный масштаб, в рамках которого они действовали. Поскольку ученые все чаще обсуждают Америку, ее культуру и зарубежные акции в рамках изучения имперской структуры, на следующих страницах книги я дам анализ обращению Зона и его современников к колониальной терминологии для лучшего понимания того, каким образом даже иностранные привязанности иммигрантов формировали американскую культуру. Как показывает пример Белостока, восточно-европейские евреи в Америке рассматривали свои заграничные связи с бывшей родиной как часть более широкой имперской миссии по распространению финансовых средств и идеалов Нового Света в менее удачливые части мира²¹.

место в мире. См.: Michael W. Doyle. *Empires*; Hobson J. A. *Imperialism: A Study*; Kenneth Pomeranz. *Empire and Civilizing Missions Past and Present*; Ashley Dawson and Malini Johar Schueller, *Exceptional State: Contemporary U.S. Culture and the New Imperialism*; Victoria de Grazia. *Irresistible Empire: America's Advance through Twentieth-Century Europe*; Charles S. Maier. *Among Empires: American Ascendancy and Its Predecessors*.

²⁰ Andrew Thompson. The Language of Imperialism and the Meanings of Empire: Imperial Discourse in British Politics. 147. Термин «империя» постоянно получал новые значения на протяжении всего периода между мировыми войнами. См.: Koebner R. and Schmidt H. D. *Imperialism: The Story and Significance of a Political Word, 1840–1960*. XIII–XIV.

²¹ Новаторские работы по теме американской «империи» в европейском контексте включают: Frank Ninkovich. *The United States and Imperialism*; Geir Mimdestaad. *“Empire” by Integration: The United States and European Integration*; Geir Mimdestaad. *The United States and Western Europe since 1945: From Empire*

В то время как восточноевропейские еврейские писатели-иммигранты на рубеже веков использовали термины «изгнание/рассеяние» и «империя» исключительно для обсуждения своих связей с бывшими соотечественниками, проживающими в других странах, современные исследователи избегают этих терминов и обсуждают подобные связи групп мигрантов, используя концепцию транснационализма, обычно определяемого как продолжающийся через государственные границы союз народов²². Транснационализм в целом рассматривается как феномен конца XX века, развившийся благодаря идеологии глобализации и достижениям в области путешествий и коммуникационных технологий, однако мало кто принимает во внимание опыт евреев-мигрантов, которые на протяжении десятилетий определяли область исследования иммиграции²³. Таким образом, хотя мы многое

---

by *Invitation to Transatlantic Drift*; Victoria de Grazia. *Irresistible Empire*. О том, какими путями эти заокеанские связи формировали американскую культурную жизнь см.: Amy Kaplan. *The Anarchy of Empire in the Making of U.S. Culture*; Amy Kaplan and Donald Pease, eds. *Cultures of United States Imperialism*; Thomas Bender. *A Nation Among Nations*; Robert W. Rydell and Rob Kroes. *Buffalo Bill in Bologna: The Americanization of the World, 1869–1922*.

²² Обсуждение современного транснационализма см.: Robin Cohen. *Global Diasporas: An Introduction*; Jana Evans Braziel and Anita Mannur. *Theorizing Diaspora*, а также в работах Nina Glick Schiller, Linda Basch, and Cristina Szanton Blanc — среди прочего *Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity and Nationalism Reconsidered*; *Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation States*; *From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration*. О влиянии транснационализма на литературу США см.: Inderpal Grewal. *Transnational America: Feminisms, Diasporas, Neoliberalism*; Coleen Glenney Boggs. *Transnationalism and American Literature*.

²³ Оскар Хандлин, признанный «отец» как в области истории американской иммиграции, так и в области истории американских евреев, во многом заложил основы того, почему евреев стали воспринимать как образцовую группу американских иммигрантов. Монографии Хандлина отражают обе сферы его интересов — еврейскую иммиграцию и более широкий нарратив истории американской иммиграции, в чем можно убедиться, внимательно прочитав его классический труд *The Uprooted*, а также его работы по истории американских евреев: *American Jews: Their Story, Adventures in Freedom: Three Hundred Years of Jewish Life in America*; и *The Dimensions of Liberty*.

знаем о сложной сети внешних и внутренних связей между современными иммигрантскими сообществами из Азии, Мексики и Южной Азии²⁴, транснациональные финансовые, литературные, политические и культурные связи восточноевропейских еврейских иммигрантов начала XX века остаются практически неисследованными²⁵. Как я показываю в своей книге, в транснационализме нет ничего нового: восточноевропейские евреи вели себя как типичные транснациональные мигранты; пользуясь словами Нины Глик Шиллер, они «создали и поддерживали многостороннюю сеть социальных отношений, связывая свои сообщества по принципу происхождения и расселения»²⁶. Но восточноевропейские евреи отличились тем, что эмигрировали

²⁴ David Gutiérrez. *Walls and Mirrors: Mexican Americans, Mexican Immigrants, and the Politics of Ethnicity*; Douglas Monroy. *Rebirth: Mexican Los Angeles from the Great Migration to the Great Depression*; George J. Sanchez. *Becoming Mexican American: Ethnicity, Culture, and Identity in Chicano Los Angeles, 1900–1945*. Более общий взгляд на новейшие тенденции в этой области можно найти в работах: Marc S. Rodriguez, ed. *Repositioning North American Migration History: New Directions in Modern Continental Migration, Citizenship, and Community*; Sandhya Shukla. *India Abroad: Diasporic Cultures of Postwar America and England*; Robert W. Rydell and Rob Kroes, *Buffalo Bill in Bologna*.

²⁵ Эва Моравска делает особый акцент на этом в работе: *Immigrants, Transnationalism, and Ethnicization: A Comparison of This Great Wave and the Last // E pluribus unum? Contemporary and Historical Perspectives on Immigrant Political Incorporation*.

²⁶ Nina Glick Schiller, Linda Basch, and Cristina Szanton Blanc. *Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation States*, 22. Шиллер, Баш и Бланк совместно работали над теоретическими аспектами транснационализма и написали несколько блестящих обзоров этой темы. См.: *Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity and Nationalism Reconsidered*; From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration. В статье “Transmigrants and Nation-states: Something Old and Something New in the U.S. Immigrant Experience” Шиллер обсуждает различные стороны концепции транснационализма. Помимо этого, существуют полезные работы о применении концепции при изучении миграции в Соединенные Штаты: Roger Rouse. *Mexican Migration and the Social Space of Post-Modernism*; *Thinking through Transnationalism: Notes on the Cultural Politics of Class Relations in the Contemporary United States*; Ewa Morawska. *Immigrants, Transnationalism, and Ethnicization: A Comparison of This Great Wave and the Last*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru